С тех пор она нигде не чувствовала себя как дома. Семья Лу больше не была ее домом, и она даже не чувствовала, что принадлежит семье Цзян. В течение десяти лет она ощущала себя одуванчиком, который плывет по ветру, куда бы он ее ни унес. Вся ее жизнь была бездонной пропастью одиночества и отчаяния.

Звучало ли это сейчас иронично и нелепо? Она сама являлась главной причиной своего одиночества. Она построила стеклянную комнату и изолировала себя от мира. Она была упряма и эгоистична, отвергая любовь и заботу своих близких, и обижалась на тех, кто ее нежно любил.

Она пожинала то, что посеяла, и заслужила все до последней капли.

— Цзян Яо, ты все еще винишь своих родителей? — Лу Синчжи остановил велосипед на обочине и повернулся, чтобы посмотреть на девушку позади него. Его голос звучал серьезно и торжественно. — Твои мама и папа очень любят тебя.

Цзян Яо кивнула.

— Конечно, нет. На самом деле они правы. Ты хороший человек. Свадьба с тобой – лучшее, что я сделала в своей жизни.

Она сказала это слишком покорным и робким тоном, который был совсем не похож на Цзян Яо, которую он знал раньше. Поэтому он не мог различить в ее словах подлинной честности и искренности.

Другими словами, возможно, приятные ответы были не чем иным, как ее саркастическим комплиментом и лестью?

— Очень жарко, ты хочешь загореть прямо сейчас? Пойдем уже домой! — Цзян Яо знала, что Лу Синчжи скептически отнесся к ее ответу. Ей не хотелось ничего объяснять прямо сейчас, но она не могла выносить жару, поэтому она подтолкнула Лу Синчжи, чтобы он поторопился и снова начал крутить педали. Затем она надулась на мороженое в своей руке и заскулила: — Мороженое растаяло!

— Выбрось его. Ты все равно не должна была его есть, ты еще не полностью восстановилась.

Лу Синчжи выхватил мороженое из ее рук и бросил его на обочину дороги. Когда они вышли из дома, он по забывчивости купил ей мороженое, потому что увидел, что она сильно вспотела. Он пожалел об этом, как только купил его, но было уже слишком поздно, так как Цзян Яо ярко заулыбалась от счастья.

Через полчаса они подъехали к воротам дома семьи Цзян.

В этот момент в доме находились отец Цзян Яо, Цзян Минвэй, и мать Цзян Яо, Ван Хуэйлань. Когда Цзян Яо и Лу Синчжи вошли во двор, ее родители уставились на пару с недоверием и замешательством.

— Папа, мама, — поприветствовал их Лу Синчжи. Он огляделся и спросил, так как не видел Цзян Цзе и Цзян Лэя: — Вы дома только вдвоем? А где же братья?

— Цзян Цзе всегда занят своими поставками и маркетингом, он редко бывает дома. Цзян Лэй слонялся где-то поблизости, но после обеда ушел. Я не знаю, куда он делся, — госпожа Цзян пригласила их в дом и налила им стакан воды. — Там так жарко, что готова поспорить, что вы ужасно перегрелись, пока добирались сюда.

Муж и жена Цзян были скромными фермерами, работавшими на своей собственной земле, что резко контрастировало с благополучным происхождением семьи Лу. Дом семьи Цзян был обычным деревянным домом в сельской местности, который недавно был отремонтирован.

— Синчжи, когда ты вернулся? — мистер Цзян был счастлив видеть своего зятя. Цзян Яо была единственной дочерью и одновременно самой младшей в семье Цзян. Их обожание дочери распространялось и на их единственного зятя.

— Я приехал утром. Кстати, Цзян Яо получила письмо о зачислении. Она была принята в Наньцзянский медицинский университет, — Лу Синчжи пропустил любезности и сразу же сообщил родителям хорошие новости, так как хотел поделиться волнением.

В отличие от его ожиданий, это не принесло радости родителям Цзян Яо. Госпожа Цзян даже чуть не разбила стакан.

— Разве мы не говорили об этом? Я думал, ты подаешь заявление в Цзиньдо! Как ты оказалась в Наньцзян? — яростно спросил у дочери господин Цзян. — Этот медицинский университет находится очень далеко от базы. Как это случилось?

http://tl.rulate.ru/book/40753/1052056